

Виктор Точинов
Сила обстоятельств

Медиа СПб

Виктор Точинов
Сила обстоятельств

«Точинов Виктор»

2019

Точинов В. П.

Сила обстоятельств / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2019

Отставной боец Инквизиции хотел всего лишь заработать немного денег, уничтожив за плату выводок опасных ядовитых тварей. Но силой обстоятельств оказался втянут в вихрь интриг, колдовских и политических.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктор Точинов

Сила обстоятельств

Глава 1

Вход в пещеру был узкий, низкий, – и вся стая разом наброситься не смогла.

Нападали лишь спереди, по двое, по трое, – да и тогда мешали друг другу. Однако же моим союзником теснота тоже не стала, продвигаться вперед приходилось согнувшись, только что не на четвереньках. Не распрямиться и не пустить в ход Фламбланш... Я знал, что впереди логово изрядных размеров, найдется где развернуться. Но туда еще надо пробиться.

Пробивался. Рубил коротким скрамасаксом, колот кинжалом-ронделем. Давил ногами теплые агонизирующие тела. Вэйверы – твари небольшие, со среднюю собаку размером, но пасти у них несоразмерно велики, клыки длинные, острые и смертельно ядовитые, – и пару раз мне досталось... Одна тварь умудрилась прокусить толстое голенище сапога, другая сумела зацепить узкую полоску незащищенной кожи на запястье... Меня эти укусы лишь разозлили, яд на меня подействовать не мог и не подействовал. Укусившим пришлось хуже... Немедленно забились в агонии, – такая уж меня кровь, она самая убийственная отравка для всех видов нечисти.

С ночным зрением дело обстояло иначе... Вэйверы видели меня лучше, чем я их, – действие заклятия, наложенного святыми сестрами на мои глаза, подходит к концу. Недалек день, когда такие темные дыры в земле станут не для меня... кроме той, что приютит навеки... но пока справляюсь.

Еще одна пасть стремится к глотке, но напарывается на скрамасакс... И тут же ронделем – в другую тварь, норовящую запустить клыки в бедро.

Большая пещера все ближе... Остается сделать каких-то пять шагов... Четыре... Три... Проклятье, клыки все-таки добрались до бедра! Получай!

Наконец-то выбрался на простор... Кинжал и скрамасакс упали под ноги, убрать их в ножны времени не было. И тут же Фламбланш со свистом рассек темноту...

На этом схватка – в которой одна из сторон все же имела крохотные шансы на победу – завершилась.

Началась бойня.

И не затянулась: вэйверы не стали таиться по углам и дальним закоулкам, бросились все разом. Не знаю уж, надеялись ли они задавить меня количеством, сбить с ног, прикончить множеством мелких ран, пусть и отдавая одну жизнь за каждый укус... Или ни на что не надеялись, действовали согласно инстинкту: чужак в логове, все в атаку!

В любом случае теперь шансов против Алого плаща – да еще меченосца с фламбергом – у них не осталось ни единого. Ладно, пусть против бывшего Алого плаща... Все равно без шансов. Да и фламберги бывшими не бывают...

Через пару минут, не долее, все закончилось. Твари, только что яростно бросавшиеся со всех сторон, устлали пол пещеры. Некоторые слабо подергивались, пока я их не добил.

На вскидку тридцать с лишним голов, если считать вместе с теми, что напали на входе... Неудивительно, что пищи в окрестных лесах вэйверам перестало хватать, они начали совершать дальние ночные рейды в поисках добычи, и добрались до деревушек, окружавших Сен-Женевьев-де-Луайр, – а скотина живущих там вилланов и сервов показалась им добычей легкой и лакомой... После того уничтожение стаи и логова стало вопросом времени. Выследили и наняли специалиста, то есть меня. И специалист, то есть я, сделал все как надо...

Хорошо, что успели до весны, пещера перенаселена, с появлением новых выводков молодые самцы и самки попарно отправились бы путешествовать, приискивать места для своих логовищ... Теперь не отправятся. И работы для меня в этих краях станет меньше. Так что хорошо, да не совсем.

А теперь самое интересное: сокровища.

По условиям договора сокровища доставались нанимателям, но интересно же, что достанется...

Где лежит богатство, гадать не приходится, – в дальнем от входа конце пещеры, где же еще, привычки вэйверов в этом смысле никогда не меняются. Пошагал туда и чуть не грохнулся, нога подломилась, – рана на левом бедре была глубже, чем показалось в горячке боя.

Пришлось задержаться, наложить жгут поверх одежды. До богатств истребленной стаи я добрался с запозданием, но потерял от задержки немного.

М-да...

Головенки у вэйверов небольшие, а если пасть рассматривать отдельно, так и вовсе крохотные, – черепа толстые, мозгов совсем немного... Мнение, что разумом они далеко превосходят всех прочих зверей, истине не соответствует. Возможно, причина тому – их передние лапы с пятью пальцами, очень напоминающими человеческие... Дрессированные вэйверы с вырванными ядовитыми клыками могут делать своими «ручками» всякие забавные фокусы.

Но на воле вэйверы собирают золото и драгоценные камни бескорыстно, просто любят играть с небольшими блестящими предметами... Точно так же сороки тащат в свои гнезда любые сверкающие безделушки, и ценные, и не особо.

На беду моих нанимателей, перебитая стая была совсем молодая. И место вокруг безлюдное, ненаселенное, а по обочинам проезжих дорог много богатств не соберешь. Кучка блестящих предметов оказалась невелика, и состояла из сущего барахла, – насколько я мог разглядеть, не роаясь в ней. Осколки стекла, несколько пуговиц, оловянная пряжка от башмака, сломанная фибула, пара позолоченных бляшек от конской упряжи. Монеты тоже присутствовали. Две или три. Кроме них какой-то ценностью обладало лишь серебряное колечко – дешевое, никаким камнем не украшенное.

Не густо... В логовах вэйверов, обитаемых век, а то и более, действительно находили богатые клады. Этот же никак не окупит нанимателям затраты на мой гонорар... И получить свое мне лучше бы до того, как станет известен размер и ценность «сокровища», – люди, чьи мечты и надежды безжалостно разрушены, склонны к глупым поступкам.

Делать в пещере было решительно нечего, но я не спешил вылезать из-под земли. Ни к чему демонстрировать, что работа выполнена слишком быстро. Люди охотнее отдают деньги за долгий и тяжкий труд.

Подобрал кинжал и скрамасакс, потом занялся ранами и ранками: обмыл водой из фляги, перевязал, запасец чистой материи у меня всегда с собой... Заживет все очень быстро, хвала сестрам из Святейшей Инквизиции, в свое время напичкавшим мое брненное тело множеством заклятий... Иные из них давно утратили силу, другие, подозреваю, останутся со мной до конца.

Внимательно осмотрел пещеру... Когда-то, давным-давно, она была жилой, причем в те времена обитали здесь отнюдь не зубастики-вэйверы. Свод закопчен, и имеется в нем отдушина, ведущая наружу – небо я увидеть не смог, но ток воздуха позволял понять, что отверстие сквозное.

Не знаю уж, кто выбрал для обитания мрачное, но весьма удобное для обороны местечко... Люди? Орки? Саарги? Кто бы тут ни жил – их всех убили разом. Камни даже многие десятилетия спустя еще хранили легчайшие следы смертоносного заклятия, очистившего пещеру от всего живого. Можно представить, какой силы оно было... Вернее, трудно представить, – даже мне, повидавшему заклятия святых сестер из капитула Инквизиции.

Ладно... пора выбирать. Сыро тут и холодно, а времени прошло достаточно, чтобы труды мои не выглядели торопливыми и небрежными.

* * *

Осенний день выдался мрачный, пасмурный... Набухшие влагой тучи ползли низко, чуть не цепляясь за вершины деревьев. А те тянулись и тянулись корявыми руками-сучьями к тучам, словно надеясь ухватить хоть одну и сдернуть с неба. Небесные странницы презрительно игнорировали эти попытки и плыли себе дальше, лишь изредка отвечая на домогательства мелким противным дождем.

В общем, самая обычная середина осени на Верхней Луайре, – сыро, ветрено и прохладно. Но после мерзкой пещеры вэйверов, пропахшей кровью и кишками, даже промозглый осенний лес показался мне светлыми и благоуханными чертогами Девственной Матери...

Наниматели в точности следовали моей инструкции: остались на расстоянии двух полетов стрелы от входа в пещеру. Иначе какой-нибудь раненый вэйвер, вырвавшись из логова, мог натворить дел...

Они держались в отдалении друг от друга, – небольшая кучка всадников и пешие вилланы, значительно превосходящие их числом. Увидев, что я выбрался из пещеры и призывно помахал рукой, обе группы поспешили в мою сторону.

Всадники, разумеется, поспели первыми. А вилланы подошли чуть позже, но опять-таки сгрудились в отдалении, дожидаясь своей очереди вступить в разговор. Все с кирками, лопатами и прочими инструментами, предназначенным перекрыть вход в пещеру... Едва ли это поможет, при нужде вэйверы вновь прокопают ход и заселят опустевшее логово. Избавить от такой напасти смогло бы добротное заклятье, обрушившее своды. Ну да не моя забота...

У многих из вилланов я заметил вместительные холщовые сумы, настоящие мешки. Это ж какое сокровище они рассчитывают найти?! Можно подумать, что я поработал Фламбланшем в золотой кладовой гномьего клана... Смешно, да не до смеха, – пару раз в похожих ситуациях недалекие люди, ослепленные жадностью, пытались расплатиться со мной ударом кинжала... Мир их праху.

Встал я так, чтоб перекрыть вход, ладонь держал на рукояти фламберга. Не то чтобы ждал каких-то подвохов от сэра Гидо, не тот он человек, – по привычке.

Семеро конных подъехали почти вплотную, копыта неслышно ступали по влажной земле и палой листве. Вновь заморосил противный мелкий дождь.

Мессир Гидо сюр Вер-Эшуи, видам замка Сен-Женевьев-де-Луайр, был не молод, за шестьдесят, пожалуй. Но в седле держался уверенно и прямо, молодым на зависть. Он скептически оглядел меня, с ног до головы измазанного своей и чужой кровью. Спросил коротко:

– Ну?

– Чисто, – в тон ответил я.

– Ожье, проверь. Ла-Мар, расплатись.

Деловой человек, приятно иметь дело.

Оруженосец по имени Ожье спрыгнул с коня, двинулся к пещере, с каждым шагом все медленнее...

Заранее разожженный фонарь в его руке подрагивал, лицо – совсем юное, с едва пробивающимся пушком над верхней губой – побледнело. Я шагнул в сторону, открыв путь. Опасения парня понятны... Один укус агонизирующего вэйвера – и никогда не бывать оруженосцу Ожье рыцарем. Понимал и мессира Гидо (тот-то хорошо знал, что недобитков после меня не остается), – проверяет, испытывает в безобидной ситуации, хоть и выглядящей опасной. Дабы заранее узнать, на что окажется способен оруженосец в бою. Если Ожье сейчас остановится, замнется у входа в пещеру, – рыцарских шпор ему в любом случае не видать.

Но нет, не остановился. Сотворил знак Святого колеса, распахнул дверцу фонаря и полез внутрь. Молодец.

А человек, названный Ла-Маром, повел себя по-хамски. Судя по одежде, был он из замковых служителей высокого ранга. Эконом какой-нибудь или ключник...

Так вот, ключник-эконом скроил брезгливую мину и с коня не слез: кинул в мою сторону кошелек, – так, что тот упал в паре локтей от моих сапог. Мессир Гидо глянул искоса, но ничего не сказал. Эконом-ключник ощерил упитанную рожу в усмешке, пары зубов не хватало.

Ждет, что я склонюсь перед ним, крыса амбарная? Интересно, понимает ли мордастый хам, что я могу разделать фламбергом всех шестерых быстрее, чем он пролопочет самую короткую молитву Девственной Матери?

Кончиком меча подцепив завязку кошелька, я подбросил звякнувший мешочек высоко в воздух. Затем поймал его левой рукой, причем демонстративно глядя в другую сторону.

Три четверти гонорара получены... Еще четверть должны вскладчину внести три вилланские деревушки, более других страдавшие от набегов вэйверов, – это их представители толпились в отдалении с мотыгами и мешками, поджидая своей очереди.

– Реньяр, – обратился ко мне мессир, – теперь у тебя достаточно денег, чтобы расплатиться со всеми долгами и отправиться зимовать в иные края. Дело в том, что я, кажется, видел твое имя в розыскных листах, регулярно присылаемых канцелярией королевского прево... В точности не уверен... Но рыться в бумагах, освежая память, не буду.

Мессир Гидо слегка лукавил. Таким, как он, ничего не кажется. Или, по меньшей мере, озвучивать показавшееся мессир не станет... Он знает точно: мое имя в розыскных листах есть. И знает, за что оно там появилось, – за Последний поход, конечно же. Уцелевших солдат Арновалы не прекратят искать никогда.

Любопытно, что мессир видам тоже участвовал в той войне, но с другой стороны: командовал одним из отрядов «зеленой стражи», и семь лет назад мы вполне могли столкнуться на поле боя, но не столкнулись. Зла друг на друга за те давние дни мы не держали, – оба профессиональные солдаты, оба выполняли свой долг, и все старые счета закрыты... А вот законники отличаются куда большей злопамятностью, ничего не забывают.

Он продолжил:

– Однако если из столицы или из Святого города придет запрос, касающийся тебя лично... Тогда я буду вынужден принять меры. Не думаю, что нам обоим интересен такой вариант развития событий.

Красиво излагает, сразу видно, что изучал науки тривиума и занятия не прогуливал... Нет чтобы сказать проще: пошлю, дескать, если потребуется, хоть весь гарнизон замка, и всех ты не перерубишь, скрутят, – так что уезжай, Реньяр, не доводи до греха.

– Я привык зимовать в теплых краях, от холодов ноют старые раны, – сообщил я попросту, как и подобает наемнику, едва одолевшему низшую ступень храмовой школы.

Не соврал... Заживает на мне все удивительно быстро и раны никогда не воспаляются. Но шрамы остаются и раны не просто ноют в холодную погоду: порой едва хожу, а сплю урывками, любое неосторожное движение, совершенное во сне, заставляет проснуться от резкой боли. Так что путь мой в любом случае лежит в те места, где никогда не бывает снега и деревья весь год остаются зелеными, – чтобы там ни прислали мессире Гидо королевский прево и капитано-диджустица Святейшей матери.

Мессир хотел что-то добавить, но тут из-под земли вернулся Ожье. Задул фонарь, доложил: все чисто, никого живого... Лишь закончив доклад, сдавленным голосом извинился, отвернулся, согнулся, – и немедленно изблевал на жухлую траву остатки завтрака.

Случается... Столь густой запах крови и вспоротых кишок не каждый желудок выдержит. Я, например, спустился сегодня в логово натошак.

Видам опять-таки даже бровью не повел. Дождался, когда подчиненный вновь окажется в седле, – и все семеро неторопливой рысью пустились в обратный путь и исчезли за деревьями.

Любопытно, что о сокровищах мессир Гидо не обмолвился, так и не спросил ни меня, ни оруженосца, нашлось ли что ценное в пещере... Похоже, он с самого начала не питал иллюзий. В отличие от вилланов с их мешками.

Они, легки на помине, приближались, наконец-то дождавшись своей очереди. Мне было слегка неловко за то, что их мечтам о лежащем под землей богатстве скоро предстоит разбиться о суровую реальность. Двадцать пять имперских рэндов для вилланов деньги преизрядные, даже распределенные на жителей трех деревушек... Но за все в жизни надо платить: королевские сервы, например, не имеют ничего, их дома, скотина, вообще все имущество принадлежит короне, как и они сами, – зато и бремя защиты всего перечисленного лежит на мессире видаме. Вилланы возделывают чужие земли, однако скотом своим владеют полноправно, – но при этом вынуждены сами защищать имущество. Или нанимать за свой счет защитников...

Все так, но все же я им слегка сочувствовал... Надеюсь, ободранные шкуры вэйверов помогут частично возместить убытки, хотя этот мех и недорого ценится. А вот мясо убитых мною зверюг в пищу решительно не годится. Не забыть бы подсказать еще один возможный источник дохода: аптекари и знахари зачастую проявляют интерес к ядовитым...

Мысль осталась незаконченной. В голове прозвучал сигнал тревоги, – громко, словно некий дозорный в моей черепушке заметил опасность и с размаху ударил по гонгу.

Все было неправильно...

Вилланы, числом поболее двух десятков, приближались как-то скованно, скупившись, словно за их спинами таился кто-то, кого я не должен был заметить.

Впереди держались трое, все видные, представительные, в годах, добротню (для вилланов) одетые. Одного я знал – Гранвиль, староста деревушки Лезье-Руж, осанистый бородач. Двое других, надо понимать, его коллеги.

Настораживало многое... Бегающий взгляд одного из троих и его же рука, лежавшая на рукояти длинного ножа. Бледность другого старосты – низкорослого, но плечистого, с клочковатой, плохо растущей бородой, – и испарина, проступившая на его лбу. А больше всего подозрений вызывал мешок в руке Гранвиля, большой, никакого сравнения с кошельком мессира видама. Оно и понятно, откуда у вилланов золото, им по всем дворам пришлось бы собирать серебро и медь на мой гонорар...

Да только они не собирали. Мешок был набит чем угодно, но не монетами. Завязка его врезалась в руку Гранвиля не так сильно, как должна была... И сквозь натянувшуюся кожу проступало нечто более угловатое, нежели монеты.

Глупцы... набили мешок глиняными черепками или чем-то вроде того... Затеявая свою авантюру, вилланы не подозревали, что мое изошренное зрение, спасибо святым сестрам, позволит одним беглым взглядом разглядеть и эти нюансы, и многие другие.

Убивать их не хотелось... надо постараться обойтись без трупов и тяжких увечий. И не дать покалечить себя, разумеется. Мешок должен послужить приманкой – отвлекусь, потянусь к нему, – тут-то и пойдут в ход мотыги, ломы и лопаты. До чего же глупы бывают люди...

Я быстро сделал несколько шагов назад, выскользнув из норовившего сомкнуться кольца. Приказал, держа Фламманш наготове:

– Стойте, где стоите! Мешок – на землю!

Они замерли. Гранвиль медленно снял ремennую петлю с запястья, медленно выпустил мешок... Но затем все замелькало очень быстро. Едва моя якобы плата коснулась земли (звук и близко не походил на тот, что издали бы монеты), – клочкобородый староста выкрикнул что-то громкое, неразборчивое, и метнулся в сторону. И все остальные шустро, напуганными крысами, шарахнулись врассыпную.

Я увидел ее.

Ту, кого скрывали до поры плотно сомкнувшиеся вилланы.

А за кратчайшую долю мгновения до того, как увидел, почувствовал жжение – под рубашкой, там, где висел на груди амулет Инквизиции.

Заклятье... Направленное на меня. Магия и вилланы... Не бывает. Неужели приютили у себя одну из Черных Ведьм, чудом избежавшую сожжения?

Но нет... Слишком молода. Но красивой назвать творившую залятье девушку не повернулся бы язык даже у записного льстеца...

Плечи такие узенькие, что руки – на вид сущие прутики, но с огромными кистями – казались растущими прямоком из шеи. Та была тоненькой, не способной выдержать тяжесть несуразно большой головы, – и оттого согнулась набок... Вообще вся фигурка колдуньи казалась перекрученной, скособоченной, а платье из грубой небеленой холстины не обтягивало на груди ничего, хоть отдаленно напоминавшего женский бюст.

Все это я успел разглядеть в деталях одним быстрым взглядом. А больше не успел ничего. Даже фламберг выставить перед собой не успел (мое оружие способно погасить немалую часть враждебной магической энергии).

Колдунья резким жестом выбросила вперед руки, – казалось, ее кисти оторвутся сейчас от прутиков-рук и полетят меня душить... Не оторвались и не полетели. Но и без того пришлось солоно.

Это было похоже на удар невидимого кулака. Громадного, разом вмазавшего по всему телу от макушки до пяток.

Ослепительный всполох перед глазами – и вот я уже лежу на земле. И смотрю на серое низкое небо, а больше никуда и не взглянуть...

Ни единая мышца не желает подчиняться. Голова гудит похоронным колоколом. Во рту соленый вкус крови, и по лицу стекает она же из разбитого носа, – либо какой-то побочный эффект залятья резко нагрел падавшие дождевые капли, но это едва ли.

Зато амулет Инквизиции на моей груди нагрелся, да еще как... Так, что расплавился. Или по меньшей мере раскалился настолько, что выжиг на моей коже натуральное тавро, – из-под одежды отчетливо тянуло горелым мясом, но обожженная грудь почти не ощущала боль.

Ощущения вообще постепенно уходили, не попрощавшись... Спина перестала чувствовать нечто небольшое и твердое – древесный сук? камень? – не знаю уж, на что меня угораздило свалиться... На серое небо с краев напозла непроглядная чернота. Я уже не понимал, сжимаю ли до сих пор рукоять Фламбланша, вообще не ощущал рук. Обычно сознание теряют резко, разом. Меня оно покидало неторопливо, словно сомневаясь, правильно ли поступает.

Вот вам и деревенская колдунья, невесть кем обученная магии, а то и вовсе самоучка, в лучшем случае шлифовавшая стихийный талант по обрывкам старых книг... В Святейшей Инквизиции собраны далеко не последние магички, но, например, сестра-заклинательница второго ранга так легко и просто меня бы не свалила... Первого – может быть. А может и нет, оказии проверить не случилось.

«Зачем же они нанимали меня, имея такую изошренную в магии девчонку?»

Мысленный вопрос был риторическим, а ответ на него стал неважным, – между мною и уцелевшим от черноты пятачком серого неба появился багор.

Самый обычный багор – древко, хищный изгиб острого крюка – такими вилланы весной вылавливают из вздувшейся от половодья Луайры бревна, доски и прочие деревянные обломки, принесенные течением. Или выуживают ведра, упущенные в колодец. Возможно и другое применение, – например, прикончить сбитого с ног Алого плаща... Ладно, пусть бывшего Алого плаща. Все равно обидно и глупо: точку в карьере поставит не благородный меч, не пика, не стрела, даже не секира палача, – а незамысловатое крестьянское орудие.

Возмущившись такой жизненной несправедливостью, сознание покинуло меня окончательно.

Не стало ничего.

Глава 2

Окончательно я пришел в сознание на четвертый день после того, как спустился в пещеру вэйверов (разумеется, точная дата стала мне известна значительно позже).

Открыл глаза. Сверху деревянный потолок. Снизу белое и мягкое. Попытался сообразить: где я, что со мной происходит, как вообще я сюда попал...

Память сохранила события, последовавшие за возвращением из подземного логова: разговор со сьером видамом, получение от него платы... Стычка с вилланами, решившими расплатиться на свой манер, тоже помнилась неплохо, хоть и было в ней с преизбытком странного...

Но что случилось потом? После магической атаки, ставшей полной неожиданностью? Что-то происходило, однако о моем пассивном участии в событиях сохранились лишь крохотные обрывки воспоминаний. Клочок серого неба и нависший надо мной хищный крюк багра... Кромешная тьма, мягкий стук копыт по немощеной дороге... Снова тьма и голоса на незнакомом языке, звучавшие надо мной... Боль, резкая пронизывающая боль в левом бедре...

И всё. Больше ничего не вспоминалось, как я ни терзал память. Ладно... Кто-то же меня доставил сюда из леса – он и расскажет, что да как.

«Сюда – это куда?» – спросил я сам у себя.

Деревянный потолок над головой никак не мог принадлежать жилищу вилланов – слишком высокий, слишком чистый, ни малейшего следа копоти от очага. И лежал я, кажется, на тюфяке, набитом чем-то мягким, а тот – на кровати. Вилланы к таким излишествам не привычны, спят на лавках, а то и прямо на земляном полу, навалив на него кучи старого тряпья. Да и зачем бы вилланам везти меня, полуживого, к себе? Добить, либо бросить умирать в лесу, – вот самые правильные действия после того, что они натворили.

Очевидно, не добили... Сдернули повязки с ран и оставили истекать кровью. Логично... Следов магического удара на моем напичканном заклятьями теле никто бы отыскать не смог, – и любой эшевен по уголовным делам вынес бы вердикт: смерть наступила от ран, нанесенных клыками вэйверов.

Очевидно, все так и происходило. Но кто-то подобрал меня раньше, чем сработал план жадных глупцов. Кто? Зачем-то решил вернуться мессир видам, или послал кого-то из своей свиты?

Бесплодные догадки надоели. Я попробовал повернуть голову и разглядеть хоть что-то еще, помимо потолка. Удалась попытка отчасти, голова казалась насаженной на сильно заржавевший шарнир, – но теперь вместе с потолком я мог разглядеть и часть деревянной стеной панели... Потемневшее дерево с незамысловатой резьбой, – так мог быть украшен и городской дом в Сент-Женевьев, и одна из служб замка, и усадьба какого-нибудь зажиточного фригольдера, жили такие в окрестностях в небольшом числе.

Попробовал пошевелить рукой. Она шевелилась – и только. Казалось, кто-то воспользовался беспамятством, и отрубил мою родную конечность, и пришел взамен другую, бесчувственную, набитую тряпьем, – вот она-то и подергивается от движений уцелевшей культи. Сделать такой рукой хоть что-нибудь, – хотя бы откинуть легкое шерстяное одеяло, прикрывавшее меня до груди, – не стоило и пытаться.

Мои телодвижения не остались незамеченными.

– Лежи спокойно, – посоветовал женский голос. – Тебе нельзя шевелиться.

Со слухом творилось неладное... Казалось, слова пробиваются сквозь вату, набитую в уши. Однако я понял, обладательница голоса была в юных годах и говорила с произношением, не характерным для Верхней Луайры. К тому же она упорно не желала попадаться мне на глаза: стояла за изголовьем, вне поля зрения, оттуда и донеслись ее слова.

Попробовал заговорить сам. Не сразу, но язык и губы пришли в движение:

– Где мы?

– Шермезон, фригольд Шермезон.

Она произносила слова мягко, слегка растягивая гласные: «Ше-э-эр», – я попытался вспомнить, где слышал такой акцент, и не вспомнил.

В Шермезоне мне как-то не случилось побывать за те четыре месяца, что я провел в здешних краях, но название показалось знакомым, – кажется, в каком-то застольном разговоре упоминалась судебная тяжба между дальними родственниками умершего и бездетного хозяина фригольда, закончившаяся тем, что владение выставили на торги. Значит, кто-то выкупил...

Попытка спросить что-нибудь еще была немедленно пресечена:

– Говорить тебе тоже нельзя. Сейчас я дам лекарство, ты его выпьешь и снова уснешь.

Бабушка сказала, что тебе нужен сон и ничего больше.

Ну, раз сама бабушка сказала... Старушка, кем бы она ни была, права: не умер до сих пор, – значит, выкарабкаюсь. Спать и не мешать исцеляющим заклятиям делать свое дело, – лучшее, что можно придумать.

Я почувствовал, как бабушкина внучка что-то делает с моей подушкой, верхняя часть тела пришла в наклонное положение, – теперь, кроме стены, я мог видеть и спинку кровати...

Потом в поле зрения появилась рука со стаканом синего непрозрачного стекла. Кисть тоненькая, на пальцах ни единого колечка, даже самого простенького... Действительно совсем девчонка? Или девушка хрупкого сложения? Вывернуть голову и разглядеть сиделку не удалось, заменявший шею шарнир окончательно заржавел.

– Пей.

Стакан придвинулся к губам, аромат от него шел сильный, терпкий, незнакомый... Такими непрозрачными емкостями, кстати, обожают пользоваться отравители. И шлюхи, дурманящие клиентов, а затем исчезающие с их кошельками. Мысль была дурная, хотели бы меня здесь прикончить – сделали бы это раньше и без лишней возни, да и не подействует на меня ни одна отравка, известная святым сестрам. Но все же в их знаниях о ядах могли быть пробелы, отравители на редкость изобретательны, а у меня давняя привычка ничего не принимать из чужих рук без проверки, – и я чуть помедлил, прежде чем сделать первый крохотный глоток.

– Пей до дна, там не много. И сразу уснешь.

Я не послушался, перекачивая во рту толику жидкости и ожидая, что правый глазной зуб пронзит короткая болезненная вспышка. Боль не появилась, – ничего, способного повредить жизни и здоровью, напиток не содержал: ни химии, ни магии. Отбросив сомнения, в два глотка я опустошил стакан.

Действие оказалось почти мгновенным. Благостная сонливость напоззла, окутала со всех сторон, заставила опустить веки... Уже на грани сна и яви я почувствовал, как что-то мягкое (тряпка?) коснулось моего подбородка, отирая попавшую туда каплю лекарства. Буквально заставил себя рывком поднять веки, – и наконец-таки узрел сиделку.

Ох...

Она не была человеком.

Прежде чем окончательно уйти в беспамятство, я понял одно: выбраться живым из фригольда Шермезон мне едва ли позволят... Не знаю, зачем его новым владельцам нужно меня лечить и выхаживать, но о добрых чувствах к найденному в лесу и истекающему кровью человеку речь не идет. Неоткуда им взяться, добрым чувствам. Слишком много их собратьев я прикончил своей рукой, и убитым еще повезло, – в сравнении с теми, кто отправился с моей помощью в подвалы к святым сестрам, а потом на площадь – на поленницу с высящимся над ней столбом.

В общем, провалился обратно в темноту я с большим сомнением, что когда-нибудь и что-нибудь еще увижу.

* * *

Мою сиделку звали Дейра и я решил ее не убивать.

Прошло еще три дня. Вернее, мне казалось, что прошло именно столько с тех пор, как я впервые открыл глаза в Шермезоне, – и силы восстановились достаточно, чтобы попытаться отсюда выбраться... Я считал, что восстановились достаточно, а так оно или нет, жизнь покажет.

В любом случае дальше прикидывать обессилевшим и неспособным подняться на ноги, – рискованно. Старуха в черном (бабушка Дейры? она не представлялась и при мне говорила лишь на своем языке) показалась достаточно сведущей в знахарском ремесле, чтобы распознать обман. Тела людей и мранов устроены слишком похоже, и надеяться, что старая карга умеет врачевать лишь своих, не приходится.

Да, и она, и ее внучка, и все нынешние насельники фригольда Шермезон были мранами. Или, как их зовут за Проливом, – вэйри. Любопытно, что последнее название происходит от того же беонийского корня, что и вэйверы. Так что мое приключение началось в пещере вэйверов, а завершилось в логове вэйри. Забавная игра слов... Но у меня не вызывает даже слабой улыбки.

В бытность Алым плащом, разумеется, мне многократно доводилось бывать в жилищах мранов, причем отнюдь не в роли желанного гостя. Но тогда-то я был вооружен и полон сил, а рядом находились боевые товарищи, готовые прикрыть спину, и святые сестры, готовые пустить в ход самые убийственные заклятия, – и пускавшие.

Но тех бойцов Инквизиции, кто попадался в лапы мранов в одиночку, потом находили, – если вообще находили, – в таком виде, что даже у людей бывалых пропадал сон и аппетит, и оставалось лишь жгучее желание мести... А за меня, оставившего службу десять лет назад, даже мстить будет некому.

Странное поведение вилланов теперь не казалось странным. Они не бросали сраженного заклятием и ограбленного человека умирать в лесу, – к чему лишний риск, вдруг кто-нибудь найдет и вылечит? Нет, они отдали меня в лапы злейшим врагам, еще и не бесплатно, наверное. Вэйри считают родство весьма скрупулезно, до двадцатых степеней включительно, – даю голову на отсечение, что среди убитых мной или отправленных с моей помощью на костер есть родственники здешних фригольдеров...

Так что отсеченная голова – более чем удачный финал для истории, куда я влетел. Но, боюсь, так легко и просто не отделаюсь. Смерть суждена куда более изощренная и мучительная, – для нее-то меня и лечат, и выхаживают, полутруп особо не помучаешь...

Надо уходить – как только мраны поймут, что я достаточно оклемался, условия содержания станут менее комфортными. Живо переселят в подвал, на соломенную подстилку, да еще прикуют цепью к стене.

...Приняв утреннее лекарство, я лишь изобразил здоровый сон, – а на деле стал ждать, когда Дейра тоже задремлет. Даже тех мранов, что полностью перешли на дневной образ жизни, утром клонит в сон, природу не обманешь.

Нехитрый расчет оправдался. Я не видел юную вэйри – ее кресло стояло так, чтобы не попадать в поле зрения лежащего на кровати, – но прекрасно определял по звукам, чем она занята. Слух мой, обостренный заклятием святых сестер, полностью восстановился. Зрение тоже пришло в порядок, позволяя разглядеть самые крохотные пятнышки и трещинки на потолке, – а три дня назад он казался ровной однотонной поверхностью. А насколько восстановились прочие мои навыки... скоро проверю.

Сначала она читала. Но звук переворачиваемых страниц раздавался все реже и реже... Потом книга с легким шлепком опустилась на пол, дыхание Дейры стало ровным и глубоким. Выждав еще пару минут, я решил: пора!

Откинул одеяло, сел на кровати, стараясь делать все бесшумно, и пока получалось. Посмотрел на Дейру – спит, с ногами забравшись в огромное кресло. И пусть спит. Причинять ей вред не хотелось. Что бы ни творили ее собратья с моими сослуживцами, что бы ни планировали сотворить со мной здесь, но от девчонки я ничего плохого не видел. Надеюсь, и она от меня не увидит. Если не проснется не вовремя. Тогда придется заставить ее замолчать наиболее щадящим способом.

Поднялся на ноги, опять-таки бесшумно. Все мое одеяние состояло из льняной рубахи до колен – не моей, разумеется, полученной от щедрот фригольдеров. Обуви не было вообще никакой, зачем она лежачему больному...

Но разыскивать, куда припрятали мою одежду, возможности нет. Могли и не припрятать, попросту сжечь... Ладно, как-нибудь дошагаю до жилья нормальных людей и в таком виде.

А вот оружием не мешало бы запастись, хотя бы импровизированным... Здешнее гостеприимство легко и быстро превратится в нечто противоположное, едва хозяева обнаружат, что гость вознамерился их покинуть.

Увы, окинув взглядом комнату, ничего подходящего я не обнаружил. Из ножек массивного табурета могли бы получиться неплохие дубинки, но если отломать их, то шум не только разбудит Дейру, – всполошит заодно весь дом.

Пришлось ограничиться ножом, лежавшим на прикроватном столике. Вернее, ножичком... Я давно его заприметил, им старуха в черном очень ловко разрезала старые бинты при перевязках. Костяная рукоять, лезвие пустяковое, полтора шаса длиной, хоть и отточено на совесть.

Три шага, что пришлось сделать до столика, принесли неприятное открытие: свои силы я переоценил.

Странно... По всем расчетам, рана на бедре должна была исцелиться и не беспокоить. На деле же я наступал на левую ногу с осторожностью, и все равно каждый шаг отдавался болью.

Первоначальный план – выйти из комнаты и покинуть дом через окно – начал казаться авантюрой. Ни карабкаться по стенам и карнизам, ни прыгать со второго этажа не смогу...

В чем причина? Действие яда вэйверов наложило на действие заклятия? Или же лечили меня здесь своеобразно? Так, чтобы пленник не протянул ноги слишком рано и получил все причитающиеся пытки, – но оказался не способен к побегу?

Не важно... Сделаю, что решил, и будь что будет. Но план действий меняется: спущусь по лестнице и прогуляюсь до конюшни, пешком далеко не уйти... Или пробьюсь с боем, если потребуется. Даже маленьким ножом можно натворить больших дел, если к ножу прилагается умелая рука. С этим у меня все в порядке. В той школе, где довелось учиться, во всей глубине и во всех тонкостях преподавали лишь одну науку, – умение убивать. А экзамены принимали лучшие бойцы Инквизиции, и двоечники получали не шанс на пересдачу, а местечко на храмовом кладбище...

Дверь без скрипа повернулась на хорошо смазанных петлях. Я оглянулся на Дейру: спит, собравшись в клубок, словно умильный зверек, – давно замечал, что детеныши даже самых опасных тварей выглядят умильно и беззащитно... Прощай, надеюсь, больше не увидимся.

Держа нож наготове, я шагнул наружу.

* * *

Последние крупные анклавы, населенные мранами, уничтожили задолго до моего рождения. И представители этой не самой симпатичной расы рассеялись повсюду, селясь неболь-

шими общинами во всех государствах от Пролива до Загорья (в нынешних государствах, в те времена еще числившихся имперскими провинциями).

Однако и у общин дело не заладилось – мало кто из людей готов был терпеть рядом представителей древней мрачной расы, напичканных природной магией и практикующих страшненькие ритуалы... Да и самая банальная зависть имела место: мраны взрослеют и стареют медленнее, чем люди, и триста лет для них не старость, период последней зрелости, примерно мой нынешний возраст в пересчете на людские годы. Мало кто сомневался, что этакое долголетие получено милостью не Девственной Матери, а совсем иных сил, требующих кровавую плату за свой дар... И мало кто из мранов доживал до преклонных по своим меркам лет.

Надо отметить, что представители вэйри платили людям полной взаимностью и мирное совместное проживание крайне редко затягивалось надолго. Случались стычки и конфликты, нередко оборачивавшиеся самыми настоящими погромами...

А потом грянула десятилетняя гражданская война, прикончившая Старую империю. И мраны, на свою беду, почти все выбрали в ней сторону князя-консорта. Лишь очень немногие общины отщепенцев встали под знамена принца-регента, – и оказалось, что именно они сделали ставку на победителей, не сумевших удержать плоды победы...

В общем, когда обучение закончилось и вожденный плащ алого цвета украсил мои плечи, Инквизиция добывала последние поселения вэйри. Во исполнение буллы Святейшей Матери: мранам, отрекшимся от своих кровавых богов и принявшим истинную веру, позволялось жить среди людей, но не в городах и не более чем одному семейству в одном селении, при условии, что поселенцев от ближайших сородичей будет отделять не менее двадцати лиг.

Одни выселяемые подчинялись, хоть и неохотно. Другие отказывались уходить из обжитых мест, брались за оружие и применяли запретную магию... А были еще общины потайные, укрытые в малонаселенных местах, в лесных дебрях, среди топких болот или горных круч, – их обитатели вообще плевать хотели на все установления Святейшего престола и сопротивлялись обреченно, но яростно.

Крови пролилось немало, и людской, и нелюдской. Необъявленная война длилась несколько лет, но победа одной из сторон была predetermined заранее... После чего торжественно объявили, что проблема вэйри окончательно решена, никогда больше чужая и чуждая раса не посмеет встать на пути человечества.

Не знаю, как там насчет всего человечества, но у его отдельного представителя – то есть у меня – проблема решена не окончательно. И ему, то есть мне, придется хорошенько постараться, чтобы ее решить...

С такими мыслями я медленно, не скрипнув ни единой ступенью, спускался по лестнице. Шагал куда неувереннее, чем мог бы, пошатывался, – в общем, изображал обессилевшего больного, едва держащегося на ногах. На всякий случай, вдруг кто-то незаметно за мной наблюдает. А нож держал так, чтобы скрыть его длинным рукавом рубахи.

Лицедействовал, как выяснилось, впустую. Дом был пуст. И ни единого звука, свидетельствующего, что здесь есть живые, ниоткуда не доносилось.

Лестница спускалась в залу – не трапезная замка владетельного сьера, но достаточно обширное помещение для семейных обедов: длинный стол с массивными стульями, огромный камин. На деревянных панелях стен – головы волков, оленей, кабанов, даже двух вэйверов. Выглядела коллекция неважно, мех у многих трофеев облез и был попорчен молью.

Наверняка эти настенные украшения остались от прежнего владельца фригольда, мраны охотой никогда не занимаются, не знаю уж почему... За исключением охоты на одиноких солдат Инквизиции, в этом они мастера. Если что, – местечко на стене для моей головы найдется. Лучше бы здесь висело для красоты охотничье оружие, хиршфангер или рогатина сейчас бы не помешали... Но чего нет, того нет.

И все же кое-что, способное по беде заменить оружие, я приглядел. В камине красовалось приспособление для жарки мяса, позволяющее при нужде запечь целиком кабана средних размеров. Но и человека на внушительный вертел можно насадить так, что любо-дорого. Или мрана.

– Можешь забрать себе, Реньяр, – прозвучал голос за спиной, едва я взялся за рукоять закопченного орудия. – Мы им все равно не пользуемся.

О способности вэйри подкрадываться бесшумно недаром ходили легенды. Мой обостренный святыми сестрами слух оказался бессилён...

От того, чтобы развернуться прыжком, я удержался. Повернулся медленно, прикрывая телом готовый к броску нож.

Глава 3

Я подозревал, что одежда моя в лучшем случае валяется скомканная, покрытая пятнами запекшейся крови. Ошибся. Все вещи оказались выстираны и даже зашиты. С мыслью об ожидающих меня пытках такая забота уже плохо сочеталась. Так ведь мало того – рядом лежало мое оружие: скрамасакс, кинжал-рондель, два ножа – тот, что я носил в рукаве и засапожный. . .

Лишь Фламбланша не было. И вообще в небольшой комнатке без окон, где на лавке были сложены мои вещи, фламберга я не увидел.

Ну и что все это означает?

– Одевайся, Реньяр. А я схожу за кувшином вина, надо выпить и за встречу, и за твое воскрешение.

С этими словами Черный Дидье повернулся ко мне спиной, шагнул через порог. Спиной. . . Украденный ножичек с костяной рукоятью по-прежнему скрывался у меня в рукаве и казался теперь смешным и не нужным.

С Черным Дидье, он же Дидье-полукровка, я последний раз встречался почти четверть века назад. С тех пор он ничуть не изменился: такой же высокий, худой, та же легкая проседь на висках. . . И такая же одежда из черной кожи и черной ткани, ни единой ниточки иного цвета.

Глядя на него, я мог лишь вздохнуть, вспомнив себя тогдашнего, – волос и зубов было больше, шрамов на шкуре значительно меньше. . . Реньяр Данвиль в свои тридцать был молодец хоть куда, от девиц и замужних дам отбою не было. . . И куда все ушло?

Одеваясь, я обнаружил еще одну пропажу. Кошелек с серебром и медью был на месте, несколько золотых, спрятанных в поясе и ячейках бригантины, – тоже. А вот мешочек с золотом, полученный от видама, исчез.

Ни удивляться, ни возмущаться я не стал. Даже не выругался. Сумма немаленькая, но в сравнении с пропавшим фламбергом, – пустяк. Золото приходит и уходит, а второй такой меч мне уже никогда не раздобыть, – откованный специально для меня и связанный множеством магических уз с владельцем.

Можно было бы тешить себя мыслью, что Дидье припрятал и золото, и фламберг в другом, более надежном месте, но я так не думал. Вилланы видели, как расплатился со мной мессир Гидо, а семьдесят пять полновесных имперских рэндов зараз никто из них никогда не держал в руках, искушение оказалось слишком велико. А вот меч они сами взять не смогли бы, не рискуя лишиться рук, Фламбланш кому попало не дается. . . Наверное, дело не обошлось без их скрюченной девушки-колдуньи.

В одном я был уверен точно: Черный Дидье с пропажей не имеет ничего общего. Он мог добить меня, раненого, и уж не знаю, из каких соображений проявил гуманизм. Но если не добил, мародерством не стал бы заниматься.

. . . Дидье когда-то командовал «черной ротой» конных арбалетчиков в войске харланского вице-короля, за что и был прозван «Черным», а насколько соответствовало истине его прозвище «Полукровка», – для меня оставалось загадкой. И теоретики, преуспевшие в естественных науках, и сестры из Инквизиции, имевшие изрядный практический опыт, утверждали в один голос: потомства у людей и мранов быть не может, – никакого, даже бесплодного. С тем же успехом можно пытаться скрестить кошку с собакой. Если так, то Черный Дидье – мран нетипичный, и в его внешности действительно смешались черты людей и вэйри. Либо – в виде исключения – хотя бы единственный раз потомство у смешанной пары все же появилось. Не без магической, скорее всего, помощи. И что творится в голове у такого существа, кем оно себя ощущает, – загадка. И неплохо бы мне найти разгадку побыстрее. . .

Дидье, казалось, прочитал мои мысли. Чуть позже, когда мы сидели за столом, украшенным кувшином вина, двумя кружками, тарелкой с сыром и тарелкой с хлебом.

Вино выгодно отличалось от той кислятины, что производят в здешних местах из плохо вызревающего винограда, наверняка привезено из южных краев и стоит немало... Но я почти не ощущал букета и вкуса, внимательно наблюдая за кружкой Дидье. Выпьет? Или лишь символически пригубит? Вэйри вино не пьют, вообще не переносят, у них есть другие способы поднимать настроение и дурманить сознание.

Выпил. Осушил до дна. А наливал при мне... Значит, все-таки он полукровка, и ученые люди ошибались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.